

ПРОЛОГ

---

8 ноября 1947 года

Лондон

Головоломка прибыла с послеобеденной почтой, запечатанная, замызганная. И убийственная.

Двадцатилетняя Озла Кендалл — волосы темные, на щеках ямочки, губы искривлены в презрительной усмешке — стояла посреди своей крохотной квартирки в Найтсбридже, которая выглядела так, словно ее только что бомбили «юнкерсы». Облаченная лишь во французскую кружевную комбинацию и дурное настроение, она разглядывала будто взрывом разметанные ворохи шелка и атласа. «Двенадцать дней до свадьбы века!» — восхищенно оповещал сегодняшний «Татлер»¹. Озла работала в «Татлере»; ей пришлось настроить туда омерзительную колонку, озаглавленную: «А что наденешь ТЫ?»

Она взяла в руки розовое шелковое платье, расшитое завитками стразов.

— Как насчет тебя? — спросила она у платья. — Можешь сказать: «Я выгляжу просто сногшибательно, и плевать, что он женится на другой»?

Почему-то на уроках этикета в пансионе никогда не касались таких тем. Впрочем, какая разница, что она наденет. Все присутствующие в соборе будут в курсе: прежде чем появилась сегодняшняя невеста, жених и Озла были...

В дверь постучали. Поспешно набросив пеньюар, Озла открыла. Квартирка, конечно, невелика, но большего на свою зарплату

---

¹ *Tatler* — основанный в 1901 году британский журнал о моде и высшем свете. — *Здесь и далее примеч. перев.*

в «Татлере» она не могла себе позволить, если хотела жить одна и при этом поблизости от всего интересного. Мать пришла в ужас: «Как, у тебя нет ни горничной? Ни швейцара? Переезжай ко мне, милая, пока не найдешь себе мужа. Тебе ведь вовсе не нужно *работать*». Но Озла всю войну провела, кочуя с приятельницами по чужим гостевым спальням. Теперь она была согласна поселиться хоть в чулане, лишь бы он принадлежал ей одной.

— Почту принесли, мисс Кендалл, — сообщила ей стоявшая в дверях прыщавая дочка квартирной хозяйки. Ее глаза метнулись к розовому платью, перекинутому через руку Озлы: — О-о, это для королевской свадьбы? В розовом вы будете смотреться просто потрясающе!

«Выглядеть потрясающе — этого мне мало, — подумала Озла, забирая стопку писем. — Я хочу затмить принцессу, настоящую, урожденную принцессу. И, надо признать, не могу».

— Прекрати немедленно! — приказала она себе, закрывая дверь за хозяйской дочкой. — Не смей впадать в уныние, Озла Кендалл.

По всей Британии женщины ломали голову, что надеть на самый большой праздник после Дня победы в Европе¹. Лондонцы собирались заранее занять места вдоль улиц, чтобы своими глазами увидеть украшенные цветами свадебные кареты и коляски. Сама Озла получила приглашение на церемонию венчания в Вестминстерском аббатстве. Уж за одно это надо быть благодарной, не то она рискует превратиться в одну из тех несносных мейфэрских² зануд, которые ноют, как это скучно — отправляться на главное светское событие века, какая морока — забирать из банка хранящиеся там фамильные бриллианты. Ах, что за мука — принадлежать к кругу избранных!

— Все будет тип-топ, — процедила Озла сквозь зубы. Она вернулась в спальню и отбросила розовое платье, которое повисло на настольной лампе. — Просто тип-топ.

Вообще-то приятно было видеть, как Лондон хорошеет, расцветая пестротой транспарантов и конфетти, как приготовления

---

¹ В Великобритании отмечают День победы в Европе (8 мая) и День победы над Японией (15 августа). Хотя днем окончания Второй мировой войны считается последняя дата, в 1945 году главные празднества были приурочены именно к победе в Европе.

² *Мейфэр* — фешенебельный район в центре Лондона.

к свадьбе рассеивают ноябрьский холод и послевоенный мрак. Сказочное бракосочетание принцессы Елизаветы Александры Марии и красавца лейтенанта Филиппа Маунтбеттена (бывшего принца Филиппа Греческого) должно было отметить начало новой эпохи, в которой, хотелось надеяться, канут в прошлое продуктовые карточки и можно будет намазывать на сконы¹ сколько хочешь масла. Озла была всецело за то, чтобы пышно отпраздновать наступление новых времен, — ведь, если подумать, ее собственная история тоже завершилась по-сказочному, с этим согласится любая женщина. Достойная служба на протяжении всей войны (пусть о ней никогда-никогда нельзя будет проронить ни слова), квартира в Найтсбридже, которую она оплачивает из собственного жалования, гардероб, битком набитый модными нарядами, работа, состоящая в написании всякой занятой болтовни в «Татлер». А также жених, который надел ей на палец кольцо со сверкающим изумрудом, — да-да, не будем забывать жениха. Нет, у Озлы Кендалл не было решительно никаких причин паниковать. Да и вся эта история с Филиппом закончилась уже несколько лет назад.

И все же если бы ей удалось придумать предлог уехать из Лондона — если бы нашелся способ оказаться в другом месте (например, в Сахаре или, скажем, на Северном полюсе, да где угодно) в тот миг, когда Филипп склонит свою золотоволосую голову и принесет брачные обеты будущей королеве Англии... О, Озла не упустила бы шанс уехать.

Одной рукой она ерошила свои и без того растрепанные темные кудри, другой разбирала почту. Приглашения, счета... и замызганный конверт. Внутри лишь неровный лист бумаги с бессмысленным набором букв, образующим квадрат.

На мгновение мир покачулся, и Озла вернулась в прошлое — в вонь угольных печурок и мокрых шерстяных свитеров вместо запаха полироля и папиросной бумаги, в скрип карандашей вместо гула лондонского дорожного движения. «Оз, а что такое *Klappenschrank*? Девочки, у кого под рукой словарь?»

Озла не стала задумываться о том, кто мог прислать ей эту бумажку. Давно дремавшие нейронные связи оживились в ее мозгу

---

¹ *Скон* — вид сдобной булочки, традиционно подается с маслом и джемом к чаю.

и скомандовали: «Не задавай вопросов, просто принимайся за работу». Она уже водила пальцем по торопливо нацарапанным буквам. «Это шифр Виженера¹, — произнес в ее памяти негромкий женский голос. — Сейчас покажу, как его взламывают при помощи ключа. Но можно и без...»

— Ну, я-то без ключа не умею, — пробормотала Озла. Она не входила в число спецов, взламывавших шифры при помощи одного лишь карандашного огрызка и нелинейного мышления.

На конверте стоял незнакомый штамп. Ни подписи, ни обратного адреса, а шифр был набросан так поспешно, что почерк мог принадлежать кому угодно. Зато на оборотной стороне послания обнаружился заголовок — похоже, лист выдрали из принадлежавшего учреждению блокнота.

КЛОКУЭЛЛЬСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

— Нет, — прошептала Озла. — Нет..

Но она уже нашаривала карандаш в ящике письменного стола. Снова воспоминание. Чей-то голос со смехом декламирует:

«Думал ты, что вечна слава, но пробил твой смертный час,
Когда девушки из Блетчли разгадали твой приказ».

Озла знала, какой у этой записки ключ. ДЕВУШКИ.

Она склонилась над бумажкой. Заскрипел карандаш, и постепенно криптограмма перестала быть загадкой.

«Стоунгров 7602»

Озла сделала глубокий вдох, ловя слова, долетавшие через потрескивание по телефонным проводам из самого Йоркшира. Удивительно, как легко узнать голос всего по паре слов, даже если не слышала его уже несколько лет.

— Это я, — сказала Озла. — Ты его получила?

---

¹ Метод полиалфавитного шифрования текста с использованием ключевого слова. Его изобретение приписывают французскому дипломату и криптографу Блезу де Виженеру (1523—1596).

Пауза.

— Прощай, Озла, — холодно ответила бывшая подруга.

Никаких «А кто это?» — та ее тоже узнала.

— Не смей бросать трубку, миссис... как там тебя теперь звать.

— Держи себя в руках, Оз. Нервишки шалят, потому что через две недели за принца выходишь не ты?

Озла закусила нижнюю губу, удерживаясь от резкого ответа.

— Я звоню не для того, чтобы шутки шутить, — сказала она. — Ты получила письмо или нет?

— Получила что?

— Ну Виженер же. В моем упоминаешься ты.

— Я только что вернулась с моря, где провела все выходные. Почту еще не разбирала. — Где-то рядом с трубкой зашуршала бумага. — Слушай, зачем ты мне звонишь? Я не...

— Оно от *нее*, понимаешь ты? Из *клиники*.

Ошеломленное молчание на том конце провода.

— Не может быть, — ответила наконец собеседница.

Озла знала: в этот момент они обе думали об одном и том же человеке. О третьем члене их блистательного трио военных лет.

Снова шуршание, звук разрываемой бумаги, а потом Озла услышала изумленный вдох и поняла, что далеко, в Йоркшире, из конверта извлекли другой зашифрованный квадрат.

— Расшифровывай, как она нас учила, — поторопила Озла. — Ключ — «девушки».

— «Когда девушки из...» — Голос в трубке смолк, не дойдя до следующего слова.

Они настолько привыкли к конспирации, что не смели произнести по телефону что-либо мало-мальски важное. Когда Закон о государственной тайне уже семь лет удавкой висит у тебя на шее, учишься прерывать собственные слова и мысли. В трубке послышался скрип карандаша. Озла начала бездумно расхаживать по комнате, три шага вперед, три шага назад. Разбросанные по спальне наряды выглядели как третьесортная пиратская добыча — яркие тряпки, тонущие в ворохе папиросной бумаги, картонных коробок, воспоминаний и прошедшего времени. Вот три девушки смеются, помогая друг дружке застегивать пуговицы на спине: «А ты в курсе, что в Бедфорде будут танцы? Играет американский оркестр, они знают все последние мелодии Пленна Миллера».

Наконец трубка ожила, из нее донесся настороженный и упрямый голос:

— Мы же не знаем наверняка, что это от нее.

— Не будь душой. Конечно, от нее. Посмотри на бланк. Это ведь оттуда, где она... — Озла тщательно следила за тем, что говорит. — Кто бы еще стал просить нашей помощи?

Трубка брызнула раскаленными от ярости словами:

— Я ей ни черта не должна.

— Она явно считает иначе.

— Кто знает, что у нее в голове? Она ведь *сумасшедшая*, ты не забыла?

— У нее случился нервный срыв. Это еще не доказывает, что она свихнулась.

— Она провела в дурдоме почти три с половиной года, — тоном, не терпящим возражений, напомнила собеседница. — Мы понятия не имеем, какая она теперь. По записке точно выходит, что чокнутая, — только погляди на эти обвинения...

Разговаривая по открытой телефонной линии, они не могли повторить то, что было написано в шифровке у каждой.

Озла прижала пальцы к векам.

— Нам надо встретиться, — сказала она. — Никак иначе это обсудить нельзя.

Голос в трубке царапнул ее слух, как разбитое стекло:

— Катись к черту, Озла Кендалл.

— Если еще помнишь, мы там вместе служили.

На другом конце Великобритании бросили трубку. Озла осталась спокойной, но рука, когда она опустила свою трубку на рычаг, дрожала. «Три девушки в войну», — подумала она. Когда-то они были не разлей вода.

Пока не настал день высадки в Нормандии, роковой день, когда они раскололись и превратились в двух девушек, которые на дух не переносят друг дружку, и одну, которую поглотил сумасшедший дом.

Внутри часов

Вдали от них изможденная женщина, оставившись в окно камеры, молилась, чтобы ей поверили, — впрочем, почти на это не надеясь.

Ведь она жила в доме безумцев, где истина превращалась в безумие, а безумие — в истину.

Добро пожаловать в Клокуэлл.

Здесьняя жизнь походила на загадку — загадку, которую ей однажды задали во время войны в стране чудес под названием Блетчли-Парк. «Допустим, я у тебя спрошу, в каком направлении вращаются стрелки часов?» — «Ну... — нервно ответила она тогда. — По часовой?» — «А если ты внутри часов, тогда наоборот».

«И вот теперь я внутри часов¹, — подумала она. — Где все идет в обратную сторону и никто никогда не поверит ни единому моему слову».

Кроме, быть может, двух женщин, которых она предала и которые, в свою очередь, предали ее. Когда-то они были ее подругами.

«Пожалуйста, — взмолилась женщина из клиники, устремив взгляд на юг, куда полетели, будто хрупкие бумажные птицы, ее зашифрованные послания. — Поверьте мне».

---

¹ Первая половина названия лечебницы Клокуэлл переводится как «часы».

Восемь лет назад

Декабрь 1939 года

— «Я бы хотела, чтобы мне было тридцать шесть лет и я носила черное атласное платье и жемчужное ожерелье»¹, — прочла вслух Маб Чурт и добавила: — Первая разумная вещь, которую я от тебя слышу, дуриха ты эдакая!

— Что это ты такое читаешь? — поинтересовалась мать, листая старый номер какого-то журнала.

— «Ребекку» Дафны дю Морье. — Маб перевернула страницу. Она решила сделать перерыв в штудировании уже порядком потрепанного списка «100 классических литературных произведений для начитанной леди». Конечно, никакой леди Маб не была, да и особо начитанной она себя вряд ли назвала бы, но твердо намеревалась стать и той и другой. Продравшись через номер 56, «Возвращение на родину» (Томас Харди, фу-у), Маб решила, что заслужила прочесть что-нибудь для собственного удовольствия, вроде «Ребекки». — Героиня там плакса, а герой — из тех угрюмых типов, которые изводят женщин, причем автор считает это ужасно соблазнительным. И все равно никак не оторваться!

Возможно, проблема заключалась в том, что когда Маб воображала себя тридцатилетней, она неизменно видела себя именно в черном атласе и жемчугах, у ее ног лежал лабрадор, а вдоль стен тянулись полки с принадлежавшими ей книгами, а не с засаленными библиотечными экземплярами. И Люси в тех мечтах была румяная, в сарафанчике цвета спелой сливы — такие

---

¹ Перевод Г. Островской.

носят девочки, которые ходят в дорогую частную школу и катаются на пони.

Маб перевела взгляд с «Ребекки» на младшую сестренку, избравшую на пальцах скачки с препятствиями. Люси еще не исполнилось четырех. Чересчур худенькая, по мнению Маб, девочка была одета в грязный свитер и юбку. Она то и дело стягивала с ног носки.

— Люси, прекрати! — Маб подтянула ей носок. — Слишком холодно, чтобы бегать по дому босиком, как сиротка из Диккенса.

Диккенса (номера 26—33 в списке) она осилила в прошлом году — по кусочку, во время перерывов на чай. «Мартин Чезлвит», какая гадость.

— Пони носков не носят, — строго заметила Люси. Она была без ума от лошадей; по воскресеньям Маб водила ее в Гайд-парк глядеть на наездников. Как блестели глаза Люси при виде холеных девчушек, скакавших мимо нее в своих галифе и сапожках! Маб всем сердцем желала однажды посадить Люси на ухоженного шетлендского пони.

— Пони носков не носят, а маленькие девочки — еще как, — возразила старшая сестра. — Не то простудятся.

— Ты всю жизнь играла босой и ни разу не простыла, — покачала головой мать Маб. От нее Маб унаследовала рост, без дюйма шесть футов¹, но дочь держалась прямо, выставив подбородок и расправив плечи, а мать постоянно горбилась. Зажатая в ее зубах сигарета заплясала, и миссис Чурт прочла вслух из старого выпуска «Байстэндера»²: — «Две дебютантки³ 1939 года, Озла Кендалл и достопочтенная⁴ Гвиневер Бродрик, поболтали с Иэном Фаркармом между забегами». Ты только погляди на норковое манто этой Кендалл...

Маб бросила взгляд на страницу журнала. Матери было просто интересно, которая из дочерей лорда Икс сделала реверанс перед королевой и какая сестра леди Игрек появилась на скачках

---

¹ 180 см.

² *The Bystander* — британский еженедельный журнал, выходивший с 1903 по 1940 год.

³ *Дебютантка* — здесь: девушка из аристократической семьи, вышедшая в свет и представленная при дворе.

⁴ *Достопочтенная* — титул дочери британского виконта или барона.

в Аскоте¹, облаченная в фиолетовую тафту. Сама Маб вгрызалась в светскую хронику, как в учебник: какие наряды удастся воспроизвести при ее зарплате продавщицы?

— Интересно, будет ли вообще в следующем году светский сезон. Война ведь, — задумчиво проговорила она.

— Думаю, большинство дебютанток запишутся в Женский королевский морской корпус, — прокомментировала мать. — Для нас-то сойдет Женская земельная армия либо Женский вспомогательный территориальный корпус, а высший свет повалит в ЖКМК. Ходят слухи, что форму для них разработал сам Молинё², а ведь он одевает Грету Гарбо и герцогиню Кентскую...

Маб нахмурилась. Теперь повсюду мелькала не та, так другая форма — пока лишь по этому и было видно, что действительно идет война. Она вспомнила, как стояла рядом с матерью в этой самой ист-эндской квартире, нервно куря, а из радиоприемника звучала речь премьер-министра в прямой трансляции с Даунинг-стрит. Каким зябким и странным стал окружающий мир, когда Чемберлен как-то устало произнес: «Эта страна находится в состоянии войны с Германией». Но с тех пор немцы, считай, еще ни разу не подали голоса.

Мать снова стала читать:

— «Достопочтенная Дебора Митфорд на складном стуле. Рядом с ней лорд Эндрю Кавендиш». Только погляди на эти кружева, Мейбл...

— Я Маб, ма. — Если уж от фамилии «Чурт» никуда не деться, то пусть ее черти разорвут, если она станет мириться еще и с довеском «Мейбл». Продираясь через «Ромео и Джульетту» (номер 23 в списке), она наткнулась на фразу Меркуцио: «Все королева Маб. Ее проказы»³ и немедленно присвоила себе это имя. «Королева Маб». Имя для девушки, которая носит жемчуга, покупает сестре пони и выходит замуж за джентльмена.

Не то чтобы Маб грезила о переодетом герцоге или миллионере с яхтой на Средиземном море — жизнь не роман вроде той же

---

¹ На скачках в Аскоте светские дамы традиционно демонстрируют наряды и экстравагантные шляпы.

² *Эдуард Молинё* (1891—1974) — британский модельер, основатель одноименного модного дома.

³ Перевод Б. Пастернака.

«Ребекки». Никакой загадочный герой с плотно набитым бумажником не собирался плениться девушкой из Шордича¹, хоть обчитайся всеми книжками на свете. Но вот джентльмен, приятный приличный мужчина с образованием и хорошей профессией... о да, такого мужа вполне можно было заполучить. Он точно существовал где-то там. Оставалось всего лишь с ним познакомиться.

— «Маб»! — Мать с усмешкой покачала головой. — Это кем же ты себя воображаешь?

— Кем-то, кто способен добиться большего, чем «Мейбл».

— Вечно это твое «большее». Выходит, то, что сойдет для нас, для тебя не годится?

«Нет, не годится», — подумала Маб, но не стала говорить вслух. Она уже знала, что людям не нравится, когда кто-то хочет большего. Пятая из шестерых детей, она выросла вместе со всеми в этой тесной квартирке, от которой за версту разило жареным луком и сожалениями, а уборную приходилось делить еще с двумя семьями. Черт побери, она вовсе не собиралась стыдиться своего происхождения, но смириться с подобной долей? Ни за что. Неужели это так ужасно — желать большего, вместо того чтобы горбатиться на фабрике, пока не выскочишь замуж? И хотеть себе в мужья не работягу из местных, который, скорее всего, будет пить, а в итоге вообще бросит ее, как отец бросил мать? Маб не пыталась убедить родных, что они могли бы добиться большего, — довольны своей жизнью, ну и отлично. Но пусть тогда и они оставят ее в покое!

— Думаешь, ты слишком хороша, чтобы работать? — возмутилась мать, когда в четырнадцать Маб не сразу согласилась бросить школу. — Прорва голодных ртов, а папаша твой сбежавши...

— Вовсе нет, — отрезала тогда Маб. — Я не считаю, что слишком хороша для работы, но намерена трудиться для чего-то большего.

Даже тогда, в четырнадцать лет, вкалывая в бакалейной лавке и уворачиваясь от норовивших уципнуть ее за зад продавцов, она уже думала о будущем. Выбилась в продавщицы и стала примечать, как разговаривают и одеваются покупатели поприличнее. Научилась иначе держаться и смотреть людям в глаза. Понаблюдав в течение года за девушками из универмага «Селфридж», она

---

¹ *Шордич* — рабочий район в лондонском Ист-Энде.

однажды собралась с духом, вошла через заветные двойные двери на Оксфорд-стрит в своем дешевом костюме и хороших туфлях, на которые угрохала половину годового жалованья, и получила-таки место в отделе пудры и духов. «Ишь ты, как повезло», — обронила тогда мать, как будто все это не потребовало никаких усилий.

А Маб на этом не остановилась, о нет. Она ведь только что окончила курсы секретарей, которые оплачивала сама, экономя на чем только можно. Свой двадцать второй день рождения в начале следующего года она собиралась встретить, сидя за полированным бюро и делая записи в блокноте под диктовку, а обращаться к ней тогда будут «Доброе утро, мисс Чурт!», а не «Эй, Мейбл!».

— Ну и чего ради все это? — спросила мать. — Чтобы подцепить богатого дружка, который пару раз сводит тебя в ресторан?

— Богатые дружки меня мало интересуют, — ответила Маб. Она считала, что любовным историям место в романах, и только. Любовь — не главное, даже замужество — не главное, если подумать. Конечно, наличие хорошего мужа — самый быстрый путь наверх, к комфорту и достатку, но путь этот вовсе не единственный. Лучше уж доживать свой век старой девой за полированным бюро, но со сбережениями в банке, которые накопила сама, собственными усилиями, — есть чем гордиться, — чем разочароваться в жизни и состариться раньше времени из-за нескончаемых беременностей и тяжкого труда на фабрике.

Да все что угодно лучше этого!

Маб взглянула на часы. Пора на работу.

— Чмокни меня, Люс. Как там твой пальчик? — Маб осмотрела костяшку пальца сестренки, куда накануне попала заноза. — И следа не осталось. Ну и грязнула же ты... — заметила она, вытирая щеки девочки чистым носовым платком.

— Капелька грязи еще никому не повредила, — проворчала миссис Чурт.

— Когда вернусь, устрой тебе купание в ванне, — пообещала Маб, целуя сестру и стараясь не сердиться на мать. Просто она устала, вот и все.

Маб все еще с болью вспоминала ярость матери из-за этого позднего прибавления к семейству, где уже выросло пятеро детей. «Стара я стала бегать за малышами», — вздыхала мать, глядя, как

Люси ползает по полу, будто краб. Но делать было нечего, пришлось им всем научиться справляться.

«Во всяком случае, это ненадолго», — подумала Маб. Заполучив хорошего мужа, она точно уговорит его помочь сестренке, чтобы Люси не пришлось бросать школу в четырнадцать и идти работать. Если он сделает это, Маб больше никогда ни о чем его не попросит.

Она поспешила на улицу, и холод хлестнул ее по щекам. До Рождества всего пять дней, а не выпало пока ни снежинки. Мимо промелькнули две девушки в форме Женского вспомогательного территориального корпуса, и Маб задумалась, куда ей податься, если служба в женских корпусах станет обязательной...

— Прогуляемся, милашка? — Парень в форме авиатора догнал ее и пошел рядом. — У меня увольнительная. Может, развлечемся вместе?

Маб ответила ему взглядом, который отработала еще в четырнадцать, — возмущенно вытаращилась из-под своих прямых, ровных угольно-черных бровей — и прибавила шагу. «А ведь можно поступить в Женский вспомогательный летный корпус», — осенило ее. Форма парня напомнила ей, что в Королевских военно-воздушных силах есть женское вспомогательное отделение. Все лучше, чем попасть на сельхозработы и разгрести навоз где-нибудь в Йоркшире.

— Да ладно, нельзя так обращаться с человеком, который вот-вот попадет на фронт! Ну хоть поцелуй...

Его рука змеей обвилась вокруг ее талии, крепко сжимая. На Маб пахнуло пивом и помадой для волос. Мерзкое воспоминание всколыхнулось и начало застилать ей глаза. Подавив это чувство, она рывкнула резче, чем собиралась:

— Отвали!

И молниеносно саданула пилота по икрам. Больно саданула. Он взвыл и споткнулся на обледенелых булыжниках мостовой. Маб отлепила его руку от своего бедра и направилась к станции метро, не слушая, что он кричал ей вслед, и загоняя подальше *то* воспоминание. Хоть что-то хорошее вышло из этой войны — пусть улицы и заполнились солдатами, готовыми распускать руки, все же многие из них мечтали повести свою девушку к алтарю, а не просто затащить в постель. Одним из самых заметных последствий стала

череда поспешных свадеб. Маб уже успела насмотреться на них у себя в районе: невесты произносили брачные обеты, не дожидаясь, пока найдется хотя бы подержанное свадебное платье, только бы надеть заветное кольцо, прежде чем жених попадет на фронт.

А ведь образованные джентльмены торопились на войну не меньше простых парней из Шордича. Конечно, Маб в голову бы не пришло назвать войну счастливым событием — она ведь читала и Уилфреда Оуэна, и Фрэнсиса Грея (правда, составители списка «100 классических литературных произведений для образованной леди» сочли военную поэзию несколько неприличной для читательниц). Но только полная идиотка не поняла бы, что войне предстоит изменить привычный мир, и дело не только в продуктовых карточках.

А может, и незачем искать место секретарши. Неужели в Лондоне не найдется такой работы на военные нужды, где девушка, умеющая отлично печатать и стенографировать, могла бы удобно устроиться, исполнить свой долг перед родиной и королем, а заодно познакомиться с парой-другой приличных мужчин и помочь своим родным?

Где-то хлопнула дверь магазина. На улицу ненадолго вырвалась мелодия песни «Остролист и плющ», которую передавали по радио. А ведь возможно, подумала Маб, что к Рождеству 1940-го все вокруг будет совсем другим. В этом году все должно было перемениться.

Война — это к переменам.

Литературно-художественное издание

КЕЙТ КУИНН
КОД
РОЗЫ

РОМАН

Перевод ЕЛЕНА САФФ

Редактор ВЛАДИМИР ПОТАПОВ

Художник ЕЛЕНА СЕРГЕЕВА

Корректоры ОЛЬГА АНДРЮХИНА, ОЛЕСЯ ШЕДЕВР

Компьютерная верстка ЕВГЕНИЙ ДАНИЛОВ

Главный редактор ИГОРЬ АЛЮКОВ

Директор издательства АЛЛА ШТЕЙНМАН

Подписано в печать 15.08.22 г. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 40,0. Заказ № 2206750.

Тираж 4000 экз. Гарнитура типа «Таймс». Бумага офсетная Классик.

Издательство «Фантом Пресс»:

Лицензия на издательскую деятельность код 221

серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.

127015 Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700

Тел.: (495) 787-34-63

Электронная почта: phantom@phantom-press.ru

Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

По вопросам реализации книг
обращаться по тел./факсу (495) 787-36-41

ISBN 978-5-86471-910-7

9 785864 719107 >